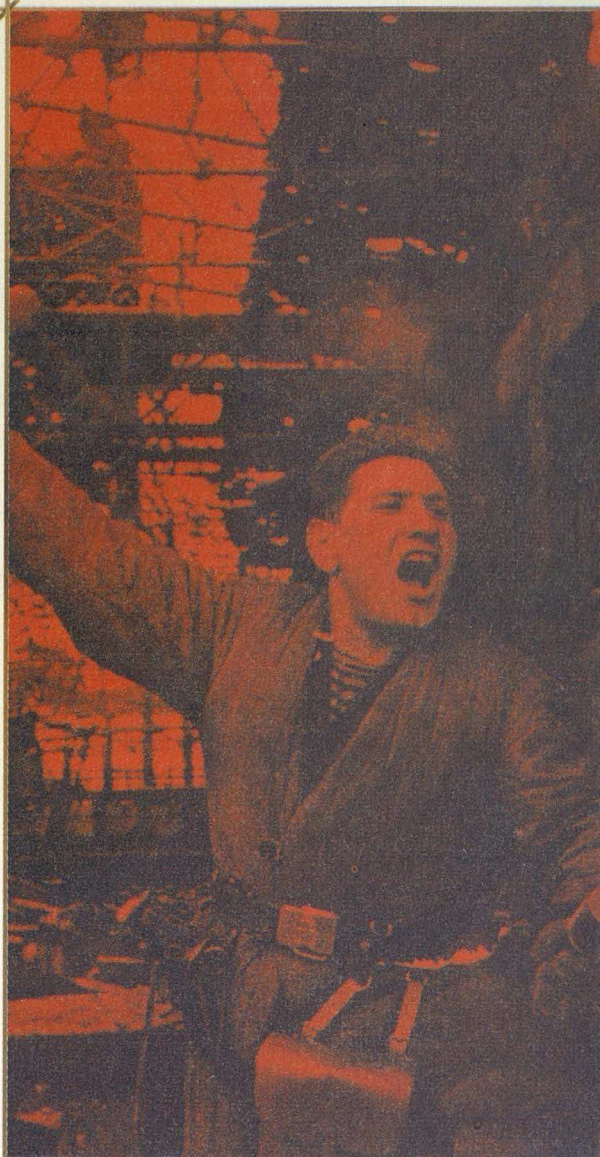

1 2006
581к

Александр Сергеев

ВОЙНА РОЖДАЕТ ГЕРОЕВ

60 лет Победы
Ұлы Отан
в Великой
соғысы
Отчужденной
Жеңісіне
воіне
60 жыл

А 2006/581к

Александр Сергеев

ВОЙНА РОЖДАЕТ ГЕРОЕВ

60 лет Победы
Улы Отан
в Великой
соғысы
Отечественной
Жеңісіне
воіне
60 жыл

“Санат” баспасы
Алматы 2005 ж.

821.161.1-3(574)

ББК 84Р7-4

С 322

**ВЫПУЩЕНО ПО ЗАКАЗУ КОМИТЕТА
ИНФОРМАЦИИ И АРХИВОВ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ, ИНФОРМАЦИИ И
СПОРТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАНА**

Сергеев А.

С 32   Война рождает героев - Алматы: «Санат», 2005. - 264 стр.

ISBN 9965-664-26-9

Предлагаемая читателю книга известного писателя А.Сергеева “Война рождает героев” – своего рода юбилейное издание, поскольку выход ее приурочен к 65-летию его литературной и творческой деятельности.

В данном сборнике повестей и рассказов, как и в других произведениях маститого автора, публикуются его наиболее остросюжетные вещи, уже снискавшие себе популярность и любовь у широкой читательской аудитории.

С 4702010201-06 4-05
416(05)-05

ББК 84Р7-4

ISBN 9965-664-26-9

© Сергеев А, 2001, 2005

© ТОО Издательство «Санат», 2005

ОДИН ШАГ

рассказ

Ив эту ночь, перед назначенной на утро атаккой, солдаты спали крепким сном. Спали, скорчившись на соломенных подстилках, в окопах, завернувшись от пока еще не сильного холода в шинели, натянув на уши пилотки. За первые тяжкие месяцы войны они уже привыкли ко всему. А командир батальона капитан Костров заснуть не мог. Он лежал одетый на топчане в своем блиндаже, потом поднялся и вышел.

Ночь была тихая, без ветра, первая в этих сырых местах осенняя ночь без дождя, снега и тумана. Жиденький белесый серпик только народившейся луны тускло освещал огромное, тянувшееся перед линией обороны батальона поле, покрытое тонким слоем снега, зажатое с флангов лесом и болотными трясынами. Окопы батальона резкими зигзагами пересекали все это пространство. Костров прошелся по ближайшим. В траншеях, на поворотах, в специально вырытых нишах коптели жировички-керосинки. Колеблющийся свет их выхватывал из полумрака фигуры спавших, будто ошупывая, шарил по их лицам, поблескивал на вороненых стволах и во сне зажатых в руках солдат винтовок. Заслышав шаги, дремавшие у амбразур дозорные откидывались от земляных стен, вытягивались перед командиром, всем своим видом старались показать, что они не спят, что начеку. Костров кивал головой, шел дальше.

Обойдя весь правый фланг, он возвратился в блиндаж. Здесь его ждал командир полка Бадин — майору, видно, тоже не спалось. По углам жались на корточках сопровождавшие майора автоматчики; топчаны, скамейки заняли спавшие штабники батальона.

Скинув шинель, Бадин ходил по блиндажу. Как и Костров, кадровый офицер, он и сейчас, ночью, после тяжелого дня был строг и подтянут, гладко выбрит, выглажен и начищен. Остановившись перед присевшим на табурет Костровым, майор глянул на него в упор. В усталых, измученных недосыпанием глазах его стыла тревога.

— Ну как, комбат, подготовился? — осевшим тоже, наверно, от усталости голосом спросил он.

Костров помолчал и ответил твердо:

— Все что нужно сделано.

— Задачу понял? Что Батя толковал уяснил?

“Батей” в дивизии ласково называли большеголового грузного, уже пожилого комдива. Он лично вызвал Кострова в штаб дивизии и дал это задание.

— А что понимать? Все ясно — выбить фрицев из окопов, отогнать хотя бы на полтора-два километра и закрепиться. В общем-то, дело пустяковое, но мы же дважды зубы на этом пустяке ломали. Дважды в атаку ходили, и оба раза кровью умылись... Не получился у нас “пустяк” этот.

Костров говорил, а перед глазами у него упирающийся в карту палец комдива, в ушах громкий властный голос:

— Ты смотри сюда, комбат. Вот она линия обороны фашистов. Видишь, как выгнулась, дуга настоящая или подкова, краями, как клещами, полк ваш обжимает. Чуть даванут фрицы, вы опять в кругляшке, в окружении. Ох, как я слово это ненавижу, слышать не могу! — скривился он и стиснул пальцы в кулак. — Фашисты это, конечно, учитывают и вот-вот штурманут, силы уже накапливают. Ночью вот сюда, ткнул он пальцем в заштрихованный синим карандашом правый фланг противника, минометы подтянули, взвод автоматчиков на машинах подбросили. На левом фланге то же самое. Артиллерию к клещам этим подтягивают. День, два, и штурманут. Обрушатся на полк, а он у нас самый слабый, окружат и уничтожат. А мне брешь затыкать нечем. Нечем, комбат! Оборона наша, как струна тонкая и до предела натянута. У тебя самого все на фуфу. И позиция хуже некуда — весь у немцев на виду, как на ладони. Они вверху, ты внизу.

— Не выбирал позицию, — сердито буркнул Костров, — где зацепился, там и закрепился. Отступать перестали, и то ладно.

— Отступать, не отступать, — тоже зло глянул на Кострова полковник. Полное, обтянутое смуглой загорелой кожей лицо его покрылось розовыми пятнами. — Сказал, чтобы больше слова этого проклятого не слышал. Хватит, наотступались, до Ладоги допятились, Ленинград за спиной. Хватит! — И грохнул кулаком по столу.

Он помолчал, пряча глаза, стыдясь нелепой своей вспышки, потом продолжал: — Теперь наступать будем... Да, да, наступать! — уловив недоумение в глазах Кострова, опять выкрикнул он. Поэтому и задание тебе, капитан Костров: силой своего батальона обрубить выступ этот, с правого фланга. Левый атаковать не сможем, сил нет. Там, в третьем батальоне, и двух рот не наберется.

— А у меня? У меня, что, больше?! И ведь уже атаквали, два

раза ходили. В тех атаках и батальон ополовинил. “Ура! Ура!” – выкрикнул Костров.

– А ты не урякай, схитри, – уже спокойно проговорил полковник. – Думай, как их обойти, думай! А батальон у тебя почти полный. Думаешь, я не знаю, что вчера чуть не два взвода окруженцев принял с оружием? Скрыть хотел, а я знаю. Да еще все легкораненые из санбата к тебе ушли. Про наступление готовящееся прознали и вечером ушли. Откуда только узнают, ведь в секрете все держим... так что люди у тебя есть. Да и задача не очень уж сложная. Ну, что я тебя прошу, что?.. Обруби рог этот самый, клещи разломи, и все. Нам и продержаться всего нечего, дней пять-шесть, пока свежая дивизия подойдет. Она уже в пути. А продержаться мы сможем только при условии, если собьем рог этот вражеский. Он же навис над полком нашим. Навис! – опять повысил голос полковник.

– Атаковать тебе на этот раз будет легче. – Он уселся на краешек сколоченного из необструганных досок стола, закурил, фрицы отбили две наших атаки, третьей ждать не будут, уверены, что нечем нам атаковать. Да и сами они подготовкой к наступлению заняты. А мы тебе кое-что для атаки подкинули.

Костров про себя горько усмехнулся: “Подкинули... взвод из второго батальона, а в нем... двенадцать человек, в том числе шесть легкораненых добровольцев”.

– Комдив пульзвод к утру подбросить обещал, – продолжал майор.

– Пульзвод, – уже вслух сказал Костров. – Комдив его в каждую дырку сует, а в нем три пулемета, и те почти без патронов.

– И то поддержка.

– Конечно, поддержка, и за это спасибо, – смягчился Костров. Он же отлично понимал, что очередная его атака, скорее всего, будет безуспешной, как и две предыдущие, но даже и безуспешная, она может нарушить планы противника, вынудить его оттянуть час наступления на этом, сейчас главном для фашистской дивизии направлении. Уже во имя одного этого стоит атаковать. И вообще, разве он против штурма, против атаки, разве бы он сидел в окопах? Да он со своим батальоном!... он бы уже давно, еще в первые месяцы войны, бил бы, крушил, зубами рвал проклятых захватчиков. О, с каким бы он счастьем прогнал их, заставил отступать, показать спину... До сих пор отступал, позорно бежал он с остатками своего разбитого, вырвавшегося из окружения батальона.

– Артиллерией мы тебе поможем, – бубнил майор. – Пулеметные, минометные точки их подавим.

– Ничего не подавите, товарищ майор, – вздохнул Костров.

— Точки эти у них не стационарные, передвижные, чтобы засесть их, знаете, сколько снарядов потребуется... А у артиллеристов их по шесть на пушку. Тут другое нужно...

— Что другое? — насторожился майор. — Наверное, что-то придумал?

Пока соображаю, — не сказал правды Костров.

Ну, соображай, действуй, я пойду.

Он ушел. Костров поднялся с табуретки, прошелся по блиндажу раз, другой. Ходил, думал.

А что он мог в этой обстановке придумать? Атаковать так и так придется в лоб, потому что другого пути нет: справа — болото, слева — вклинившееся в поле продолговатое озеро, которое, как не крутись, рассечет фронт атаки. Зато оно рассекает надвое и линию обороны фашистов. Это обстоятельство теперь и решил использовать Костров. Основной удар он направит на правый фланг, на левом — устроит демонстрацию малой силой. И еще, главное: по его приказу разведчики с помощью местного жителя провели по болоту в тыл противника сколоченный им штурмовой отряд. Отряд небольшой, меньше взвода, зато крепкий. В основном в нем моряки-окруженцы, те самые, о которых сказал комдив. Ребята что надо, на фашистов обозлены до предела. Им бы только до противника дорваться, шумок устроят. Ночь отряд просидит на болотном островке, на рассвете в назначенное время скрытно обойдет вражеские окопы и по сигналу Кострова — одна красная ракета — ворвется в них с тыла. Одновременно начнет атаку весь правый фланг батальона. Левый будет имитировать атаку. Это и был единственный козырь Кострова, на нем и строил он надежды.

Комбат еще раз прошелся по окопам, теперь по левому флангу батальона, хотя ходить ему было не за чем — с командирами рот, взводов все обговорено и решено, с солдатами беседы проведены, каждому определено его место в атаке, каждый знает, что, в общем-то, идет на смерть, — атака есть атака, — но при этом у каждого в глубине души затаенная уверенность в том, что он выживет, пуля, осколок не заденут его. Иначе не может быть, иначе не будет атаки. В общем, люди свои задачи знают. А что тут знать? Беги вперед на противника, падай, ползи, бросай гранаты, вскакивай и снова вперед. Добеги, дорвись до вражеских окопов, и тут уж ты победитель, потому что фашист нашей штыковой не терпит. Простое дело, совсем простое, если все будет так, как нужно. А нужно, необходимо это до края, потому что отступать больше нельзя, некуда, за спиной Ленинград, Москва. И все это понимают.

В окопах, как обычно бывает в обороне, ничто не говорило

о том, что с рассветом этим безмятежно спящим людям предстоит подняться, вылезти наружу из надежно укрывавших их земляных щелей, окопов и бежать по почти совершенно гладкой открытой поверхности ничем не защищенными под разящим ливнем пуль и осколков, навстречу смерти. “Смерти или победе, — мелькнула в голове Кострова мысль. — Конечно, победе, — ухватился он за нее. — На этот раз мы должны победить, должны!”

Он опустил на вырезанный в стенке окопа выступ, достал папиросу, закурил. Из-за поворота в траншее шагнул командир второй роты, на участке которой находился комбат. Ему, видно, уже доложили, что комбат в его хозяйстве. Тоже молодой, как и Костров, розовощекий, — этого не брали никакие невзгоды, — лейтенант вытянулся, приготовился к докладу, Костров махнул рукой.

— Ладно, ладно, сам все знаю. Иди поспи. Иди, приказываю, — предупредил он возражения. — Поспи, отдохни, чтобы утром роту за собой вести.

Лейтенант крутнулся на месте и скрылся в темноте. Костров сидел, курил. Стоявший у проделанной в бруствере амбразуры усатый солдат — лицо его чуть освещала коптилка — украдкой поглядывал на капитана, не понимая, почему он тут задерживается, и, конечно, как всегда ждал от начальства какого-нибудь замечания.

А Кострову спать не хотелось. Он сидел, курил, смотрел на светившийся в темноте огонек папиросы, а перед глазами мелькали выворачивавшие душу страшные эпизоды отступления почти от самой польской границы, где он, тогда еще ротный командир, принял у тяжелораненого майора этот самый батальон, пробился с ним из окружения и отступал чуть не через всю Прибалтику, мимо Новгорода. Отступал он не в панике... с боями, но все, увы, оканчивались его поражением. После каждого боя он, разгромленный, иной раз окруженный врагом, вынужден был пробиваться, отступать, в лучшем случае отходить, уступая позиции врагу, уходить в леса, в болота, переплывать речки, переползать топи, пробиваться через лесные чащобы. Правда, в блужданиях этих батальон снова пополнялся за счет отставших, пробивавшихся из окружения, снова принимал бой и снова терпел поражение.

За время блуждания по тылам, по флангам рвавшегося вперед противника, пока батальон не влился в дивизию, преградившую путь противнику, Костров повидал всякое: сожженные фашистами города и села, капитально, со знанием дела, видно, надолго сооруженные эшафоты-виселицы, колонны наших

пленных солдат и угоняемую в Германию молодежь. Он, командир Красной Армии, призванный и обязанный защищать советских людей, родную землю, видел все это и ничего не мог сделать: ни защитить, ни спасти их. Сознавая это, он снова и снова бросался на фашистов с остатками батальона, бил, крушил, пока противник не получал подкрепление... И снова отступал.

Из всего страшного, виденного ему, почему-то особенно запомнился последний этап его отступления. Вот сейчас нужно бы прилечь, вздремнуть, а он не может, перед глазами неотступно возникающая в памяти неширокая речушка с обрывистыми глинистыми берегами. Разведчики ее измерили — речка глубокая, вброд не перейдешь. До вечера батальон, рассредоточившись, хоронился в кустах, ночью солдаты ползали по берегу — искали брод. Нужен он был не только и не столько батальону Кострова, у него самое тяжелое — два миномета да два пулемета, их можно на первых попавшихся подручных средствах через любую глубину переправить, но в последние дни к батальону пробился скрывавшийся в лесных зарослях отдельный автобат. Рачительный командир его, маленький, круглый, как шарик, майор, сумел сберечь все новенькие, будто только с завода, свежепокрашенные машины, ухитрился укрыть их от врага, проселками, целиной, через леса и болота довести сюда. О них и беспокоился Костров, посылал и посылал своих ребят на поиски хоть какой безопасной переправы. Но ее не было. Мосты бдительно охранялись, по ним день и ночь сплошным потоком двигались немецкие части. Плоты сделать не из чего — все деревни вокруг заняты противником, к тому же и берега у речки крутые.

Под утро, чуть забрезжил рассвет, Костров переправил свой батальон вплавь. Не имея другого выхода, так же поступил и майор. Он приказал личному составу переплыть реку, а машины со всем имуществом сжечь.

— Жгите, — приказал он, отошел в кусты, упал, зарыдал, обхватив голову руками.

Пехотинцы и шоферы стояли на противоположном берегу реки, а машины горели. Густыми клубами смрадного дыма исходили медленно загоравшиеся канистры с маслом, аккуратно сложенные в кузовах ящики с разным имуществом, занимались пламенем сами кузова. И вдруг машины начали кричать. Потом Кострову объяснили: от жары замкнулись провода сигналов, и они включились. А отсюда, с противоположного берега, казалось, что машины надсадно, истошно вопили о помощи, исходя предсмертным криком.

Вопили машины долго, надрывая сердца водителей и пешеходов, выворачивая душу, пока не стали рваться раскалившиеся в кузовах бочки с бензином и бензобаки. Гулкие взрывы эти неслись над речкой похоронным набатом.

Эта жуткая картина почему-то вставала перед Костровым часто и в ушах так же, как тогда, грохотал, гремел истошный вой замкнувшихся автомобильных сирен.

— У, гады! — вздохнул он сквозь стиснутые зубы. — Ох, дорваться бы до вас, дорваться бы!..

Где-то уже после полуночи он возвратился в свой блиндаж, подремал...

Проснулся сразу. Над ним склонился вестовой.

— Пора, товарищ капитан. Время. Как приказали.

Адъютант батальона, замполит и все остальные офицеры уже пили чай. Перекинулись натянутыми шутками и разошлись по своим местам. Костров снова проскочил с фонариком по окопам. Солдаты тоже поднялись, грелись чаем, ели колбасу с хлебом. Старшины раздали для согрева по глотку водки.

— Из окопов выбираться без звука, — уже в который раз полусшепотом предупредил Костров. — Чтобы не звякнуло, не брякнуло. И сразу вперед, по-пластунски.

Команду роты выполнили дружно, по сигналу. Разом, без суеты, без шума переметнулись через земляные брустверы и пропали, утонули в еще густой предутренней мгле.

Костров осмотрел окоп: оставшихся, кроме его посыльного, не было.

— Пошли, — кивнул ему головой Костров, уперся руками в край окопа, выбрался наверх и пополз, плотно притискиваясь к чуть припорошенной снегом земле.

Полз он долго, не замечая больно коловших руки сухих будильев. Послышалось хриплое дыхание. Свыкшись с темнотой, глаза определили двигавшиеся впереди подошвы сапог. Вот они замерли. Костров пополз еще немного и поравнялся с командиром первой роты земляком Жакуповым. Круглое, белое, не как у большинства казахов, лицо его — батальон, как и вся их дивизия, формировался в Центральном Казахстане — хорошо просматривалось в темноте.

— Второй рубеж, — шепнул Жакупов, подсунувшись к комбату.

— Посветите, время уточню, — велел Костров.

Старший лейтенант повернулся на бок, спиной к окопам противника, поднял полу шинели. Мигнул лучик фонарика. Костров глянул на часы: до начала атаки пятнадцать минут.

Рассветало. Впереди, за уже четко обозначившейся темной кромкой березняка, по небу расплзлась широкая белесая по-

доска. Чуть заметной серой линией на снежном фоне вырисовывались вражеские окопы. Слева ровная, как стол, хорошо видная узенькая полоска озера, рассекавшая надвое изготовившийся к атаке батальон.

— Как они там? — шепотом спросил Костров.

— Из второй роты сообщили — вышли на исходный, ждут сигнала, — тоже шепотом ответил старший лейтенант.

Зашуршала трава, из-за уткнувшихся в землю бойцов вынырнула массивная фигура командира третьего взвода первой роты Бобылева.

— Мины сняты, — тихо доложил он. — Шесть штук их и было. Проволока не сплошняком, кое-где набросана. Обойдем.

“Комдив прав, — мелькнула мысль. — Фашисты и мысли не допускают, что мы снова на них полезем. Эх, проучить бы их!.. Только бы ребята в тыл прошли, только бы прошли, себя до времени не обнаружили. Если все, как надо, они устроят шумок! Устроят гадам!”

Теперь он сосредоточил внимание на светлевшем за березняком горизонте, следил за тем, как быстро рассеивается, словно раздвигается темнота. Он весь подобрался, сжался в комок, будто изготовившийся к прыжку зверь. Часы на руке громко тикали, отсчитывая секунды, а ему казалось, что вдруг ставшее вязким, тягучим время ползет, тянется, как резина.

Он не выдержал, велел скорчившемуся рядом в такой же напряженной позе ротному посветить.

— Не надо светить, я так вижу, — отозвался тот. — Через минуту начнем и вытащил из-за пазухи пистолет.

У Кострова пистолет был в руке давно. Стискивая его, он чувствовал в ладони влажную от пота рубчатую отделку рукоятки.

— Пора, — шепнул ротный. Переложил пистолет в левую руку, правой вытащил из-за пояса ракетницу, глянул на комбата.

— Давай, — шепнул капитан.

В небо, рассыпая искры и оставляя яркий след, взвилась красная ракета.

— Вперед! За Родину! Вперед! — вскочив во весь рост, закричал Костров.

И сразу ожило поле, рванулись от земли серые бугорки, превратившиеся в бегущих, размахивающих винтовками и тоже раздражающих в крике рты бойцов.

— Ура-а-а! — катилось над полем. — Ура-а-а!

Ожила, замигала огнями, ощерилась в первый момент густыми автоматными и пулеметными очередями линия обороны немцев. Недружно, вразнобой ударили минометы, в

рядах атакующих взметнулись огненно-дымные фонтанчики взрывов. Кто-то закричал, упал. Под ногами Кострова протарахтела, поднимая снежные фонтанчики, трассирующая пулеметная очередь, справа, почти рядом, противно, по-лягушачьи, квакнула разорвавшаяся мина. Его обдало кусочками подмороженной земли. По привычке, механически, он плюхнулся на землю!

“Что же молчат морячки, десант мой?! Что же они?! — бьется в голове пугающая мысль. — Неужели не дошли! Неужели...”

И в этот момент совсем темное небо над вражеской линией обороны рассекают, разрывают бурные всполохи взрывов гранат, совершенно отчетливо в стылom утре затрещали наши автоматы, там же, за линией огня, над немецкими окопами понесли яростные крики, донеслось наше звонкое, яростное, злое “Ур-а-а-а!”

— Дошли! Наши дошли!!! — закричал Костров и тут же, будто подброшенный, вскочил и, преодолевая страх, вскинул над головой пистолет, закричал на бегу:

“Ура-а-а-а! Вперед! Вперед!”

Фашисты быстро опомнились, их огонь нарастал. Костров между перебежками, падая на землю, совершенно отчетливо представлял, как они, заспанные, без касок, выскакивают из наспех сооруженных блиндажей-обогревалок, — долго они здесь задерживаться не собирались, готовились к наступлению, — припадают к амбразурам, жмут, давят на гашетки пулеметов. И вдруг крики за спиной, в тылу, выстрелы... И срываются, бегут... Но это пока в его голове. А пока...

До их уже четко видных окопов совсем близко, еще бросок и можно пускать в ход гранаты. Но как его сделать, этот бросок, как преодолеть последние метры? Перед атакующими запорошенный снегом подъем, на нем и оборвалась, захлебнувшись, первая атака. Подъем не крутой, но ровный, гладкий. И атакующие на нем, как на ладони. “Та-та-та-та”, швейной машинкой продолжает строчить вражеский пулемет слева.

На какое-то время плотность вражеского огня резко спала. Как видно, атака морячков с тыла заставила немцев отвлечься, занять круговую оборону... Используя многократное превосходство в силе, они, конечно, отбили от атакующих и снова повели огонь по батальону, — сообщает Костров. Он видел, как упал срезанный трассирующей очередью Жакупов, рухнул на бегу кто-то из командиров взвода, так же, как и он, бежавший впереди атакующих. Но атака не захлебнулась, бойцы вскакивают, бегут. И Кострову кажется, что бегут они, буквально, грудью раздвигая переплетение смертоносных крас-

ных, желтых, зеленых огненных трасс, густо пронизывающих туманную дымку наступающего утра.

“Еще один рывок, и все, и наша взяла, — лихорадочно сообщает Костров. — Еще немного, еще...”, но темп атаки замедляется: залег один, второй, третий солдаты, жмутся к земле командиры. Теперь того, кто лег, не поднимешь. Еще минута-две, и они начнут пятиться, а потом, ошеломленные страхом, побегут назад, угодливо подставляя спины под фашистские пули.

“Эх, штурмовики-морячки? Почему же умолкли? Неужели и вправду уничтожены? — бьется в голове Кострова мучительная мысль. И, словно в ответ на нее, вдруг загрохотали взрывы в окопах противника, плотно, перекрывая тарактение немецких автоматов и пулеметов, ударили наши незвонкие автоматы. И снова родное, радостное “Ура-а-а!” покатило навстречу атакующим.

— Вперед, братцы, наши там! Вперед! — опять закричал Костров и ворвался во вражеский окоп, в котором уже орудовали все-таки преодолевшие огонь моряки.

Гитлеровцы бежали. Они бросали оружие, теряли каски, выпрыгивали из окопов и, вереща от страха по-заячьи, бежали к березнячку по прямой, подставляя спины под разящий огонь атакующих.

— Ура-а-а! — неслоь, грохотало над полем, и крик этот подстегивал фашистов, заставлял бежать сломя голову.

— Ура-а-а! — кричал Костров. — Вперед! Бей! Круши! — вопил он и, сам, не замечая этого, давил на спусковой крючок пистолета с расстрелянным уже магазином. — Бегите, бегите, гады и будете бежать до самого Берлина! — кричал он в охватившем его восторге. Он видел, видел бегущих в панике фашистов, видел их спины, и сердце его распирала палящая невероятная радость. Это была его победа, пускай маленькая, на один шаг, но это был первый победный шаг.

Он бежал, кричал, задыхаясь от ликующей радости, твердо уверенный, что теперь, после этой первой победы, он уже не отступит ни на шаг, будет побеждать, только побеждать.

ПОСЛЕДНЯЯ ПУЛЯ ВОЙНЫ

(Фронтвой эпизод)

Об этом эпизоде Великой Отечественной войны мне рассказал бывший пограничник-фронтовик Серик, если не путаю, Касымов, с которым мне довелось отдыхать в одном из санаториев, принявший на себя, по его словам, одну из ее первых, как ему кажется, последних пуль войны.

Я передаю рассказ от его имени.

Первую пулю, посланную гитлеровцами, вероломно напавшими на нас, я получил, отбиваясь от фашистов, форсировавших реку — на нашем участке границы. Ранение было не тяжелое, и я отступал, добирался до первого госпиталя почти на своих ногах. А вот со второй случилась целая история.

Шел май 1945 года. Наша часть стояла в небольшом местечке, где-то недалеко от Берлина. Жизнь шла, можно сказать, совсем по мирным меркам. Расквартированные по пустовавшим просторным домам мы кайфовали в ваннах, питались за большими круглыми столами в богато обставленных столовых особняков.

В тот день, о котором пойдет речь, мы целым взводом получили приглашение в клуб на танцы, которые устраивал женский персонал, расквартированного в том же местечке нашего госпиталя.

Однако напрасно мы начищали сапоги, чинили, гладили обмундирование. Сразу после обеда меня вызвал командир роты старший лейтенант Павлов и приказал:

— Бери, старший сержант, любое свободное от караулов и другого отделение и в машину. Она у крыльца. Поедете, — он назвал соседний городок. — Там, на окраине, обнаружены склады с награбленными у нас продуктами: мукой, крупами, сахаром и еще чем-то. Полковые снабженцы делят их между подразделениями. Нам тоже перепало. Поедете и заберете.

Приказ есть приказ. Через час мы уже тряслись в старом трофейном грузовике.

Дороги в Германии, даже проселочные, неплохие. За неполный час мы отмахали километров тридцать. И вдруг услы-

шали выстрелы... Огонь велся довольно плотный, стреляли из немецких автоматов, но слышались глухие очереди и наших.

Мы тормознули. Солдаты посыпались из кузова, по привычке разбегаясь по укрытиям.

Я прислушался. Выстрели доносились откуда-то спереди. Подозвал командира отделения сержанта Михаила Савина. Приказал оставить на месте, у машины, кого-нибудь из солдат за старшего, самому идти со мной на разведку. Конечно, уходить от машины двум командирам не следовало, но Михаил знал немецкий, а я не исключал возможность встречи с ними, — кто-то же стреляет, — переводчик мог потребоваться.

Несмотря на то, что наши войска в Берлине и война, фактически, закончилась, перестрелки с еще не сдавшимися одиночными группами немцев то там, то тут завязывались. Остатки разгромленных частей обнаруживались в фольварках, на фермах, а то и в городах. Так что доносившаяся перестрелка не вызвала удивления. Мы приняли все меры предосторожности. Два отобранных сержантом солдата, он сам и я шли цепочкой, прикрывая со спины один другого. Автоматы на взводе.

Рошица, обрамлявшая дорогу, кончилась, перед нами окруженная лесом большая поляна, за ней просторный двухэтажный особняк с узкими, будто в каком-то замке, окнами-бойницами. Щели-бойницы и в кирпичной стене, вокруг дома. Судя по всему, именно из этих щелей—амбразур в ограждении и велся огонь.

Слева, на опушке роши, свежестрытые окопчики, блиндаж, в них наши.

Мы было направились к ним напрямик, через поляну, но послышались крики:

— Рошей! Рошей! Здесь огонь!

В подтверждение из-за стены протрещали автоматные очереди, пули выбивали в земле фонтанчики пыли чуть ли не у моих ног.

Мы кинулись к деревьям, укрылись за ними. Из-за деревьев вышел майор с автоматом.

— Вы кто такие? Откуда?

Я доложил как надо. Стал рассказывать насчет продовольствия. Майор перебил:

— Все ясно, старший сержант. А теперь слушай мою команду! В связи со сложившейся на этом участке обстановкой, объявляю тебя и твой личный состав мобилизованным, беру под свою ответственность, в свое подчинение.

— А как же приказ ротного?! — пытался было возразить я.

— Отменяется. До подхода подкрепления будешь здесь. Пошли сержанта за машиной и остальными. Исполни!

Возражать майору я не мог, не имел права. Распорядился по его приказу.

— А теперь объясняю обстановку, — продолжал майор. — В этом фольварке, — так, что ли, они называются, в общем, в строении этом, засели немцы, военные. Что за часть, сколько их, мы не знаем, но, судя по всему, немало, огонь ведут почти из всех амбразур. Мы допрашивали жителей с соседних ферм. Они либо действительно не знают, либо не хотят говорить. Заявляют, что в строении, за забором, всю войну были военные, потом уехали, ночью приехали другие. И ворота на запор.

— Мы из комендатуры соседнего городка, — продолжал майор, — приехали проверить, что за строение, кто в нем, а нас — автоматным огнем. Я доложил в комендатуру. Обещали подкрепление, танки. Пока велели ждать. Мы и ждем вторые сутки. Телефон вышел из строя, молчит. Хорошо, хоть продуктов подкинули и приказ — задерживать едущие и идущие мимо воинские подразделения, укреплять окружение.

Немцы сидели за стеной, постреливали, не подпуская нас. Сегодня на рассвете вдруг всполошились, в боковые ворота выскочили, человек семь-восемь, кинулись к лесу. Ну, мы их таким огоньком встретили, что они тут же назад, за ворота убрались.

* * *

...Мы сидели с майором, обсуждали положение, прикидывали варианты действий. Сидеть тут ни ему с его солдатами, ни нам никак не хотелось.

Вдруг зазвонил, видно, исправленный связистами, стоявший на полочке телефон. Майор вскочил, радостный, перехватил трубку у связиста, закричал:

— Я Сосна! Я Сосна! Я Вас слушаю, — и замер, припав к трубке. Он слушал, а мы смотрели на него, улавливая движения его лица.

Сообщение передавали серьезное. Майор весь напрягся, лицо побелело, а потом залилось краской.

— Что? Что? — выкрикнул он, притискивая трубку к щеке. — Повторите, прошу, повторите! — И замолк, вслушиваясь в то, что доносил телефон.

В трубке гуднуло, брякнуло, на том конце дали отбой. Майор сидел, как оглушенный, продолжая прижимать трубку к щеке. Опомившись, положил ее, обвел нас каким-то диким

блуждающим взглядом, вздохнул и выкрикнул, заорал на всю поляну:

— Конец, все, конец! — Он кинулся ко мне, обнял, прижал к себе и заплакал, зарыдал звонко, совсем по-бабьи.

Снова зазвонил, затарахтел телефон. Трубку схватил я. И сразу в ухо чей-то зычный, под Левитана, голос:

— Передаем важное сообщение Главного командования. Записывайте.

Я достал из кармана карандаш, листок бумаги. Слышимость была плохая, треск, шумы глушили слова, но главное я улавливал.

— .. девятого мая... — передававший назвал время, я не уловил, — в немецком городе Потсдам представителем командования немецкой армии подписан акт о полной и безоговорочной капитуляции. Война закончена! Мы победили! — И подпись: “Комендатура”.

Передававший говорил что-то еще, но шум, треск усилились, и я ничего не разобрал. Уловил последнее:

— Мужики! Солдаты, офицеры, братцы, товарищи! Мы победили! Мы победили! Войне конец!

Телефон отключился. Я стоял точно так же, как все еще стоявший, будто онемевший в шоке, майор. Наконец, я открыл рот и выкрикнул слова, которыми было закончено сообщение.

— Братцы! Товарищи! Войне конец! Мы победили!

И сразу поднялся крик, шум. Солдаты выскакивали из окопов, блиндажа, над поляной пронесся яростный крик “Ура-а-а!”, затрещали автоматы.

И, словно вторя им, автоматные очереди донеслись из-за стены, из окошек-амбразур дома. Немцы всполошились, очевидно, решив, что русские начали штурм.

Приказав прекратить стрельбу, я повернулся к майору:

— Что будем делать? Война кончилась?

— Что делать? — майор задумался. — Кончатъ волынку с домом этим и все. Вот бумага, сообщение официальное, — помаhal он листком с моей записью.

— А немцы ее не читали, не слыхали...

— Наверно ничего не слыхали. Телефонная линия у них разорвана. Радио нет. На крышах ни одной антенны.

Слушай, старший сержант, — вдруг встрепнулся он, — а если им сообщить?

— Как?

— Очень просто! Послать парламентаря, подойти к воротам с белым флагом, только, — вздохнул он, — по-немецки в моей группе никто не кумекает.

— Кумекают, в моей группе, вон сержант Михаил чисто шпрехаает.

— Да что ты?! А ну зови его!

Я крикнул, позвал прыгавшего у окопа от радости Михаила, мы ему объяснили в чем дело. Спросили согласия.

Он даже слушать не стал. Отыскал белую тряпку, нацепил на палку и доложил о готовности.

Сообщение об окончании войны так обрадовало парня, что он потерял способность соображать. Война кончилась, враг сдался, капитулировал, скоро домой! Чего тут соображать?! Войны нет и врага нет, и немцы никакие уже не фашисты, и вообще, не немцы — враги, просто люди, как все, он готов идти к ним, встретиться, говорить с ними. Чего тут бояться?!

Радость распирала его, но мы-то с майором соображали: не так уж тут все просто, и немцы, как немцы, за каменной стеной, у амбразур, с автоматами, которые стреляют по-прежнему, посылая смерть.

— Одного сержанта посылать нельзя. Думаю, офицер должен быть в парламентарях, — заявил майор. — Мне идти придется.

Я возразил.

— Вам нельзя. У Вас подразделение, им командовать надо, сидите здесь. Пойду с сержантом я. Кстати, и по-немецки я кое-что тоже объяснить смогу.

Майор начал было возражать, но мы с Михаилом убедили его в правильности предложения.

Через несколько минут доложили майору о готовности. Майор осмотрел нас, сказал какое-то напутствие и махнул рукой.

— Желаю!

О жгучей опасности мероприятия, о том, что на подходе к воротам нас может встретить шквальный огонь этих самых “бешеных”, по словам майора, немцев, ни я, ни Михаил, как и сам майор, не думали. Представляли себе, как подойдем к воротам и прокричим, сообщим немцам, что все, война кончена. Они должны принять нас, сложить оружие и, может быть, даже глотнуть с нами ихнего, вообще-то противного шнапса, за окончание войны, за Победу. Почему они должны пить за нашу Победу, об этом мы не думали. “За Победу!”, и все!

Так, полные радостных, беспечных мыслей мы уверенно шагали, пересекая широкую поляну, гордо неся в руках белый флаг, казавшийся нам настоящим флагом Победы. В самом деле, мы же идем, как победители, принять капитуляцию гарнизона дома-крепости.

Прошли две трети расстояния, отделявшего окопы от стены, и тут из какой-то амбразуры вырвалась громкая в напряженной тишине, больно ударившая в уши автоматная очередь. Пули просвистели над головами.

Мы, было, запнулись, но, не придав значения одиночной очереди, пошли дальше. Сделали шаг, второй, третий, больше никто не стрелял.

Вот и ворота, большие, окованные железными полосами.

Я взялся за массивную медную ручку-кольцо, ударил им о набитую на дверь медную же планку.

После небольшой паузы узенькая калитка в воротах распахнулась и в животы наши уперлись стволы автоматов. Держали их два офицера немца. За их спиной стояло с десятков офицеров с автоматами и пистолетами в руках. Над ними на целую голову возвышался пожилой, рослый, широкоплечий эсэсовец с пистолетом в руке. Грудь его украшал целый иконостас орденов, медалей. По нашивкам я определил звание — оберштурмбанфюрер СС.

Он окинул нас полным злобной ненависти взглядом, проговорил по-немецки, раздельно чеканя слова. Я его понял:

— Вы пришли с белым флагом сдаваться на нашу милость, но мы русских в плен не берем. Для них у нас пули.

Михаил было начал говорить, объяснять, кто мы и что хотим, но старик не слушал. Он рывком вскинул пистолет. Михаил успел прокричать:

— Мы парламентареры!

Старик не слушал, он перевел направленный мне в лоб ствол пистолета ниже, в грудь.

Выстрела я не слышал, увидел вырвавшийся из ствола огонь. Удар в грудь отбросил назад, на Михаила. Он ухватил меня, удержал на ногах.

Боли я не чувствовал, только кровь, горячая, просто жгучая, она текла по груди, по животу за брючный ремень.

Я растерянно смотрел на эсэсовца, а он все так же злобно щерил зубы, переводя пистолет на Михаила.

Выстрел прогремел, но теперь стрелял не старик, а кто-то стоявший за ним. Он пошатнулся, попытался обернуться и вдруг рухнул всем своим массивным телом на землю.

К нему никто не бросился на помощь. Немцы-офицеры расступились, не глядя на лежавшего. Я, очевидно, в этот момент потерял сознание, глаза затянул туман. Но только на миг.

Очнулся уже на земле. Надо мною Михаил. Он расстегивал на мне китель. Рвал нижнюю рубашку.

И тут появилась молодая немка в белом халате, с сумкой через плечо. Она оттолкнула Михаила, обнажила мою залитую кровью грудь, быстро осушила ватой рану, прощупала паль-

цами. Сказала мне по-немецки вроде “Потерпи!”, или что-то другое, коснулась голой груди холодным пинцетом. Дикая боль полоснула по телу. Я вскрикнул. А она, улыбаясь, протянула зажатую в пинцете вынутую, просто выдернутую из ранки где-то между ребер застрявшую пулю.

Из раны снова хлынула кровь. Врач — так определил немку я — снова высушила ее ватой, прижгла, обмазала ее чем-то и обмотала бинтами.

— Вы счастливичек, — проговорила она по-немецки, поднимаясь с колена. — Пулю задержало это, — ткнула она пальцем в искореженную медаль. — И это, — она протянула мне простреленную записную книжку.

Я окинул взглядом окружавших нас офицеров и сразу засек: все они были в бинтах, в пластырных наклейках, у некоторых были забинтованы головы, руки на подвесках, отдельные были с костылями.

И мне все стало ясным. Здесь госпиталь, судя по всему, офицерский, и обороняли его сами раненые офицеры. А старик... но это потом, главное — сообщение. Я кивнул Михаилу, он поднял голову, выкрикнул по-немецки:

— Война конец! Германия капитуляция! Все, война конец. Германия капитуляция! Капитуляция!!! Вот депеш! — махнул он бумажкой с моей записью. — Капитуляция! Вот!

Судя по всему, до немцев дошел смысл выкриков, они молча переглядывались.

Молчание нарушила все та же немка в халате. Она повернулась к стоявшему рядом офицеру с перебинтованной головой, рванула из его рук автомат и швырнула на землю.

— Война капут! Германия капитуляц! — выкрикнула она слова Михаила, почему-то точно скопировав его произношение. — Германия капитуляция! — Подтвердила она.

Выкрик женщины будто ударил по немцам-офицерам, они, как по команде, сделали шаг вперед, один за другим, и аккуратно положили автоматы, пистолеты на землю и также дружно сделали шаг назад. Мы, два сержанта, сознавая серьезность момента, стояли по стойке смирно, принимая капитуляцию гарнизона...

Тем все это и закончилось. А две пули, полученные — одна при защите нашей границы, вторая там, от полусумасшедшего оберштурмбанфюрера, в немецком офицерском госпитале, — хранятся у меня в коробочке, и я нет-нет да погляжу на них, на эти потемневшие от времени кусочки металла, несшие и не донесшие до меня смерть, но оставившие память о первом и последнем днях Великой Отечественной войны, эти ее первая и, может быть, последняя пули.

ПОСВЯЩАЕТСЯ
полковнику в отставке
Баймукапову
Калиакбару Баймукаповичу

ВСТРЕЧА БЫЛА НЕИЗБЕЖНОЙ

(Повесть)

И на этот раз майор Клышев был обманут, “обведен вокруг пальца”, — как он был вынужден признаться сам сегодня, после возвращения из Горбачевки. Зато теперь он твердо знал, что гоняется не за призраком, не за плодом своей фантазии. На вверенной ему и его товарищам контрразведчикам территории появился шпион, может быть, и диверсант, и начал действовать для достижения цели, еще точно не известной Клышеву.

Уже по первым шагам непрошеного гостя можно было сделать вывод, что шпион — противник опытный, лазутчик матерый, смелый до нахальства и вместе с тем предельно осторожный и осмотрительный. Каждый ход у него, как у шахматиста высокого класса, рассчитан, обдуман. В основном действует он в одиночку, но при необходимости умело подбирает, казалось бы, случайных, ненадежных, но в действительности точно соответствующих поручаемому им делу временных помощников, руками которых и совершает нужные для его цели акции, после чего избавляется от них, искусно заметая следы. Заметая, но не уничтожая совсем, потому что, как говорит начальник Клышева полковник Павел Яковлевич Кузнецов: “Всякий, даже самый изощренный в хитростях преступник — не бесплотный дух. Он не витает в эфире, как все ходит по земле, общается с людьми, живет их услугами. А раз так, значит, оставляет следы, которыми и обнаруживает себя”. Оставил след и этот, как его окрестил Клышев условным обозначением, Второй, очень слабый, запутанный, но все-таки след, по которому и петляет майор КГБ Кали Клышев со своей оперативной группой.

Началось это двадцать первого октября. Клышев с женой был в гостях у ее близкой подруги. Отмечали день рождения ее мужа, капитана милиции Григорьева, с которым Кали приходилось не раз встречаться, а то и сотрудничать по работе. Была суббота, особых дел на Клышеве не висело, и он, — что случалось очень редко, — чувствовал себя совершенно свободным. Сидевшая за столом рядом жена Калима в новом платье